

МУЗЕИ НАДО ЛЮБИТЬ

3 А ВСЮ свою долгую артистическую жизнь — с 1917 по 1967 год — мне пришлось много ездить и с концертами, и со спектаклями по всему Советскому Союзу, начиная со Средней Азии до северного порта Находка.

Каждый город имеет свое неповторимое лицо, архитектуру и достопримечательности. Но главное — это люди, наши слушатели.

Понимая и сознавая всю ответственность своих выступлений, хотелось оставить в этих городах хорошую славу о Большом театре в целом и о себе, как его представительнице.

Для того, чтобы хотя бы приблизительно познакомиться со своим слушателем, я избрала путь знакомства с местными музеями. Как правило в музеях отражено как прошлое, так и настоящее этого города. Особенно меня интересовал раздел искусства — какие были здесь актеры, что они играли и была ли в этом городе опера.

Интересовал меня и быт горожан до революции. Посетив музей, можно было увидеть внутренность старого жилого помещения, — женскую фигуру с веретеном в руках; а рядом как известно, находились домашние животные — теленок, поросенок, курица — на столе скучная посуда. И вот теперь, в наши дни, в этом же городе я выступаю в чудесном театре, а потомки тех, о ком свидетельствует музей, — мои слушатели — студенты, инженеры, врачи, живущие в новых домах со всеми современными удобствами.

Разве не дает лица уму и воображению такая разительная перемена быта?

Мысленно я быстро под впечатлением увиденного составляла концертную программу, зная заранее, что она будет правильной. И я не ошиблась.

Музей в Ульяновске приковывал всю тебя на целый день. Не хотелось уходить из дома, где жил юный

Ленин, учился, волновался, где вся его семья своей сплоченностью, культурой и скромностью показывала пример — каким должен быть русский интеллигент.

Уходила я из этого дома в приподнятом, взволнованном состоянии, которое не проходило до самого отъезда из города.

А какой этот городок был раньше? Глухая провинция!

А вот Саратов. Музей имени Чернышевского. Красота старинных произведений, фарфора, живописи — все говорило о вкусах местных жителей тех лет.

Калуга — самый маленький, самый скромный и самый великий музей Циолковского! Ходишь по этому маленькому городку, заходишь и в Краеведческий музей, и отовсюду на тебя наступают тени «деятели» прошлого — замкнутого богатого круга людей, воображающих, что только они — вершители судеб людей.

А жизнь показала, что скромный домик Циолковского оказался великим центром науки бывшей России.

Подобные мысли приходили в голову каждый раз после посещения музеев, и тогда хотелось еще больше поднять славу русского искусства с тем, чтобы слушатели, сидевшие в зале, гордились нашим советским искусством.

Ялта. Личное знакомство с Марией Павловной Чеховой, ее милая приветливость оставили в моей душе след на всю жизнь.

Присутствие Марии Павловны создавало и поддерживало атмосферу дома семьи Чеховых. В этот дом входили не как в музей, а просто, как будто в гости к Антону Павловичу, которого случайно не оказалось дома.

Большой интерес представляет астраханский музей (в родном моем городе).

Запомнился музей в Ярославле. Экспонаты там не особенно разнообразны по сравнению с другими музеями, но там есть интересные часы, созданные директором этого музея (фамилию не помню). Эти часы не ходят, но они изображают в

минутах рождение Земли и рождение Человека. Составлены они по зрам, на каждую эру Палеозой, которая насчитывала 4,5 миллиона лет, отведено, к примеру, 20 минут; на эру Мезозой 2,5 миллиона лет — 15 минут и Кайнозой тоже 2,5 миллиона лет (приблизительно) — 29 минут. (Конечно, эти три эры имеют еще разветвления на периоды, имеющие свои названия). Но любопытно, что эти 59 минут отведено на время формирования земли, пока еще человека нет, и только ОДНА минута отведена на рождение Человека таким, каким мы его сегодня знаем. Все эры — это подготовительный период для рождения царя природы — Человека.

С таким же любопытством я зашла по личному делу в наш музей Большого театра, — мне нужно было посмотреть свое фото. Но когда я познакомилась с этим музеем, то все мое личное отодвинулось куда-то в сторону, стало просто формальностью. Осталось прошлое и настоящее Большого театра.

Экспозиция составлена так, что за какие-то 2 часа видишь волнующие моменты из истории Большого театра начиная с 1776 и по 1972 год — от рождения Большого театра по сегодняшний день. И не только узнаешь много нового и интересного, но как бы вступаешь в жизнь театра, ощущаешь атмосферу праздничности, волнения и неповторимого ощущения сопричастности к жизни всех лет, всех поколений артистов. Это очень волнительно!

Первая комната — Большой театр, но... он горит. Но вот снова Большой театр, возродившийся и ставший еще краше — это то здание, которое наш современник строит сейчас.

Артисты — певцы, балерины, их костюмы, грим, манеры и посадка фигуры — обо всем этом подробно рассказывают фотографии всех лет. Подолгу всматриваешься в эти уже забытые лица, но все так умело размещено, что утомлению нет места.

— Входишь в другую комнату — на одной стороне Шаляпин, на другой — Нежданова и Собинов. Этот небольшой зал дышит красотой,

вдохновением. Даже окраска стен, форма рам для фото, развеска портретов говорят о высоком художественном вкусе составителей выставок.

Третья комната посвящена революционным годам, становлению нового советского Большого театра и развитию его по сегодняшний день.

Я поинтересовалась тогда постановкой «Кармен» в декорациях Ф. Федоровского. Дирижировал А. Пазовский, постановщик А. Санин, 1923—1927 гг. Вдруг на роликах легко выкатилась из своего гнезда целая стена с макетами этого спектакля — все в черных и темно-красных тонах. Как будто, мрачно. Но всю эту темноту (я помню) расцвечивали яркие краски костюмов и яркие прожектора.

Во втором акте «Кармен» основной цвет костюмов был желтый у Кармен, черно-желтые у Мерседес и Фраскиты и много было красного цвета. Все это играло и жило полнокровной жизнью на сцене. Но в макетах этого, к сожалению, не чувствуется.

Вся моя молодость встала передо мной и, уходя из нашего музея, я прониклась благодарностью людям, чьими руками создан и сохранен этот музей. А художественный вкус и любовь к своей работе свидетельствует о молодом поколении художников, как о хорошем пополнении нынешних работников музея.

Мне хочется назвать этих энтузиастов: В. Зарубина, Л. Реевич, Л. Рыбаков, художников М. Иноземцеву, Е. Перцеву. Когда я выразила свое восхищение их работой, они меня попросили, чтобы я обратилась к своим сверстникам и к молодым артистам с призывом: «Приносите, пожалуйста, свои фотографии, программы, подарки в наш музей».

Каждая мелочь, переданная музею, будет сохранена для истории, чтобы последующие поколения знали о своих предшественниках, учились у них, чтобы выше поднималось искусство Большого театра, а значит — искусство советской эпохи.

М. МАКСАКОВА,
народная артистка СССР.

1972, 2/1